

© Center for contemporary literature

БЕЗУМНЫЙ РЫБАК

ВАДИМ МЕСЯЦ

Вадим Месяц

**Безумный рыбак.
Книга стихотворений**

НП «Центр современной литературы»

Месяц В. Г.

Безумный рыбак. Книга стихотворений / В. Г. Месяц — НП
«Центр современной литературы»,

Обращение автора к традиционным формам закономерно: в его творчестве и раньше присутствовала лирическая составляющая, замешанная на фольклоре, но ни в одной книге она не была представлена в столь чистом виде. Он хорошо знает современную западную поэзию, много переводил ее на русский, редактировал несколько крупных антологий, в своем творчестве не чужд авангардных практик. Пресыщенность экспериментом привела к интонациям, укорененным в языке, искренности и теплоте, свойственным национальному мироощущению, почти детской простоте и ясности. Беззащитность подхода подкупает. Редкий случай написания стихов не только для собратьев по перу, но в первую очередь для читателя, не вовлеченного в кризис культуры.

© Месяц В. Г.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

От автора	6
царский подарок	7
Отчаяние	7
Проклятие	8
Independence Day.07	9
У синего моря	10
Мой дом	11
Спасенные собой	12
Царский подарок	13
Мотыльки на дощатом полу	14
Любимый шут	15
Ночная гроза над озером	16
В гуле дождя проливного	18
Мост	19
«В печи как за околицей темно...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Месяц

Безумный рыбак

Владимиру Шкаврову, краснодеревщику по профессии, рыбаку по призванию

От автора

Летом 2007 года мое совместное пребывание с родными, включая самых близких, сделалось невозможным. Я сделал несколько попыток что-то исправить, понимания не достиг, отчаялся и уехал в далекую чужую страну, где когда-то жил, но обычаев уже не помнил. В самолете бормотал молитвы о спасении любимых, но думал про злой свободный дух, витающий над водой. В аэропорту взял напрокат дряхлый автомобиль, и, ориентируясь по вспышкам памяти, добрался к полуночи до любимого озера. Мой высокогорный дом был в запущенном состоянии: забор рухнул, перила у главного входа выломаны с корнем, кто-то оборвал цепь в беседке на качелях, электричество и телефон отключены, грузовик заглох. Чертеж зодиака над головой подсказывал правильность происходящего. Предстоящее хозяйствование должно было отвлечь меня от ненужных мыслей. Я никогда не жил в лесу один, на стоицизм Робинзона Крузо или Генри Дэвида Торо не претендовал, но через пару-тройку дней смог наладить свой быт и даже починил лодку. Озеро буквально кишело рыбой: почему я раньше не знал об этом? Басс, щука, красноперый окунь, форель, рыба-солнце, ночью к берегу подходили сомы. Олени стада лениво уступали мне дорогу в свете фонаря, когда я возвращался с рыбной ловли, по утрам на доке прихорашивалась знакомая выдра, медведь дважды ломал мусорный бак, пока я не сколотил новый из дубовых досок, надежный как острог. Главной бедой стали тени прошлого, переполнившие жилище, реликвии прежней жизни (иконы, самовары, гитары), щемящие фотографии счастья, подарки. Призраки очаровательных дачниц настойчиво тревожили мой безгрешный сон. Я должен был бежать воспоминаний и перебрался во флигель, а усадьбу (двухэтажное кирпичное строение на берегу) стал сдавать охотникам и рыбакам на выходные. Это приносило мне достаточный доход, а общение с интернациональными постояльцами учило жизни и деловитости. Мое одиночество оживил регулируемый маскарад из многолетних хасидов, корейских беженцев, болгарских турок, польских пьяниц и американских военных. В свободное время я начал писать стихи, каковых не писал раньше. До этого я редко позволял вкладывать в свое творчество личные обиды, радости, следы отчаяния или надежд. Мне казалось это неприличным. Зачем грузить людей своими печальями? Я был слишком возвышенным, проще сказать – надменным. Незамысловатость бытия привела к простоте и внятности изложения. Эмоции переполняли меня, словно обиженного старшекласника. Я не пугался надрыва, ромansa, слезы. Они стали для меня обретением новой степени свободы. Я смаковал свое горькое горе, бесстыдно предаваясь искушению «последней прямо́ты». Кто еще из издававших виды поэтов может себе такое позволить? Я забыл о существовании «поэзии», о своей ответственности перед ней. Я строчил доносы об одиночестве, будучи уверенным, что откровение должно соседствовать с пошлостью. Почти все, включенное в этот сборник, сочинено прошедшим летом на отдаленном пресноводном озере в чужеземной стране. Неудивительно, что стихи получились о любви, разлуке и родине. Сейчас я смотрю на некоторые из них с недоумением, сомневаясь в авторстве. Никогда не знаешь, как изменится твой голос в зависимости от обстоятельств. Одно очевидно – это было самым счастливым временем в моей жизни.

царский подарок

Отчаяние

Солнце за годом год
в сердце возводит ад.
Шепчет упрямый рот:
ты сам во всем виноват.

В душу вонзив персты,
вытягивает из жил
имя моей звезды:
ты все это заслужил.

Ты все это возжелал
в материнском нутре.
«Молоха обожал,
кушал на серебре».

Ты сам меня полюбил,
когда я любила боль.
Ты ею меня кормил,
отведать теперь изволь.

Торфяниковая вода
течет из ее горстей.
Она глядит в никуда,
на руки берет детей.

Дождь стоит над рекой,
точит столетний лед.
Ты обретишь покой,
когда кто-нибудь умрет.

Проклятие

Отсохнет вымя твоих коров,
отморозит гребень петух певучий,
огонь не согреет уютный кров
застыв под слезою твоей горячей.
И сердце лишится щедрот огня,
в нем черной дырой прорастет могила.
Все это за то, что ты меня
не спасла, не увидела, не полюбила.

Independence Day.07

Сколько в закате солнца земной печали.
Сосны клонятся как на море корабли,
и мачтами покачнувшись, уходят в дали,
не ожидая встретить в дороге родной земли.

Как беспристрастен ход горящего диска,
ведущий во тьму за Геркулесовы столбы.
Вещая птица молчит. Слышится близко
хохот и трескотня холостой пальбы.

Ежевечернее медленное свиданье.
Заветная служба, мой рыбачий закат.
Почему каждый раз выбирает страданье
того, кто ни в чем был не виноват.

Счастливей меня на этой земле не бывало.
Пора бы стреножить мою молодую прыть.
Хорошо когда много, но легче жить, если мало.
Я не верю, что за все нужно платить.

Мне светло от того, что я ничего не значу,
по сравнению с печалью солнечного пути.
И от этой печали я как-то радостно плачу,
прижав серебристую рыбу к своей груди.

У синего моря

Расскажи о рыбачке, о бросившем невод муже.
О желаньях, исполненных с глупою прямоюй.
Я делал как лучше, но стало хуже.
Не успокоит грешник, и не спасет святой.

Мы жили с тобой у теплого синего моря.
Мы выбирали сами дорогу в рай,
но в радости капля за каплей копилось горе.
Вот и плеснуло теперь через край.

Море мертвой воды затопило уши.
До небес поднимается над головой корма.
Хуже худшего, жизни и смерти хуже.
Мне страшно подумать, что ты сошла с ума.

Я другого не вижу понятного объяснения.
Где та девочка, что со мной жила?
А веленья щучьего и моего хотенья
оказалось мало без твоего тепла.

Так бывает, когда совсем иссякают силы.
И не спросишь совета у встречного на пути.
Здравствуй, милая. Здравствуй, мой сизокрылый.
Бог с тобою. И больше так не шути.

Не до шуток. Зачем мне пустые шутки,
раз над судьбой никогда не подняться ввысь?
Мы так долго стояли в томительном промежутке,
и потом стремительно разошлись.

Я готов заблудиться в заливах под вечным льдом.
Согласен сгореть в стогу, никем не разбужен.
Хуже не будет, некуда хуже,
даже если станет хуже потом.

Я считал, что добра от добра не ищут,
но душа теперь словно карман пустой.
Я дарил тебе платья за многие тыщи,
но ты получила счастья рублей на сто.

Мой дом

Я живу в бесконечном сыром лесу,
в самом сердце сырых лесов.
Я в сердце своем задавил слезу,
и свой дом закрыл на засов.

Я забыл, как поют мои сын и дочь,
как звучит человечья речь.
По ночам в мои ставни колотит дождь
и трещит дровяная печь.

Я сжигаю замшелых бумаг листы,
не взглянув от кого письмо.
И я не был испуган, узнав черты
старика в глубине трюмо.

Моя лодка, уткнувшись в застывший плес,
не шуршит чешую рыб.
И под праздник заходит голодный пес,
я все жду его нервный всхлип.

Каждый год забредает со стороны
черный зверь в мой спокойный быт.
В нем таится душа моей злой жены
или друга, что был убит.

Вертикально стоит над равниной дым,
прорастая среди стволов,
словно взглядом отчаянным и пустым
кто-то смотрит поверх голов.

Темный дом мой, зажатый в кольце лесов,
у озерной стоит воды.
В нем не слышно задумчивых голосов.
и к добру не ведут следы.

Спасенные собой

Нательный крестик теребя,
шепчи заветный стих:
«Мой друг, когда, спасешь себя,
то ты спасешь других».

Когда во мраке забытья
увидишь ясный сон –
спаси не брата, но себя.
И будет брат спасен.

На самом главном рубеже,
где только смерть видна,
подумай о своей душе.
Она – твоя страна.

Горсть космоса в твоей горсти
теплее воробья,
хранит тебя в ночном пути.
Да, ты спасешь себя.

И в воскресенье Бог придет
в людской холодный хлев.
И горе счастьем возрастет
в тебе перегорев.

Толпа теней отступит прочь
под шорохи тряпья.
Воскликнет сын, заплачет дочь,
но ты спасешь себя.

Цари забитые плетью,
народы на убой.
Как ненавидимы людьми,
спасенные собой.

Пушай витает над водой
свободный, мрачный дух,
ко всем, расставшимся с бедой,
безжалостен и глух.

Царский подарок

Вдоль дороги деревни,
между ними погосты.
Над горбами харчевни
осырелые звезды.

Поднебесные звезды,
словно мертвые мыши,
свили теплые гнезда
под рогожею крыши.

Оттоскуют полаты,
затоскует телега.
Приготовься к расплате
за беспечность ночлега.

Станут листья бледнее,
обернувшись в овраги.
Краски жизни мутнее
взбаламученной браги.

Пересохшие реки,
как раскрытые ставни,
на ладонях калеки
распростерты камни.

Боль белее березы
и беленого храма.
Поистратила слезы
моя бедная мама.

В дар жестокой царевне
кораблей караваны –
уплывают деревни
в неизвестные страны.

Вещий сон как монета
проступает из пыли,
как звезда и планета,
что когда-то забыли.

Без удачи счастливый,
без вины виноватый...
И цветет здесь крапива,
и чабрец розоватый.

Мотыльки на дощатом полу

Мотыльки на дощатом полу,
потемневшем и темном в углу,
словно огни на прощальном балу
или кто-то просыпал золу.

Окна закрыты и дверь на замке.
Бесы играют со мною в тоске.
Сколько во тьме ни гадай по руке,
счастье всегда вдалеке.

Падшие стаи расправленных птиц
в бледном Китае растерянных лиц.
Полуживой лабиринт верениц
всех не прочтенных страниц.

Ты босиком между ними идешь,
не испугай их и не потревожь.
В тело вселяется нервная дрожь.
Ты сам на себя не похож.

С медной монеткой, зажатой в горсти,
меткой удачи в тревожном пути.
Пусть не сумеешь душу спасти,
помни, что все впереди.

Любимый шут

Царь кровожадный дружит с ежом,
садит на стол его, делает рожи,
дышит как ежик, и еж дышит тоже,
каждый друг в друга душой погружен.
Я – это ежик, а царь – это он.
Оба от страсти лезут из кожи.

Было бы проще не лезть на рожон,
жить, как и прежде, в мирах параллельных.
Богу молиться, иметь десять жен,
песенок десять пропеть колыбельных
перед отходом к глубокому сну.
Или вместо запоев недельных
взять и разграбить родную страну.

Но самодержец увлекся ежом,
даже ежу это стало понятно.
Еж оставляет зловонные пятна
в ворсе ковров, где он изображен
рядом с властительным другом своим.
Мы сами не ведаем, что мы творим.

Время грозит прорасти мятежом,
вспыхнуть готовым уже безвозвратно,
страшным пожаром, скота падежом,
пастью чумы, что ощерилась жадно,
к горлу приставленным ржавым ножом...
Возгласом, что прозвучит многократно
в космосе невероятно большом.

На гильотину взойти? Ну и ладно.
Просьба: любезнее будьте с ежом.

Пусть я для вас самодур и пижон.
Пусть не мужчина я вовсе, а тряпка.
Главный вопрос государства решен!
Мне тяжела Мономахова шапка!
Да, мой приемник будет ежом
с мордочкой будто куриная лапка.

Власти верховной священным гужом
наделена мной иголок охапка.
Что ты во тьме озираешься зябко?
Прочь самогонку, несите боржом!

Ночная гроза над озером

Ты этого хотел, ты это ждал,
Ты ее жаждал, сам того не зная.
Гроза ужасна как лесоповал
в кривых клыках сторожевого лая.
И ночь, над нами звезды расстилая,
обрушилась в губительный астрал.

Рассеян крик кликуш и зазывал,
поскольку мир исполнен большей страсти,
чем суета любви и воля к власти.
И гордый человек безмерно мал
и беззащитен от лихой напасти.
Что было раньше – жалкий карнавал.

Гроза огромна как лесной пожар,
и как огонь беспечно ненасытна.
И в водяном костре ни зги не видно.
Прозренье, выстрел, солнечный удар,
ниспосланный с небес Господний дар,
который в старости принять постыдно.

Отвесные ряды живых зеркал,
в которых растворилось отраженье,
и дребезжащий льдом девятый вал
сминает легкость быстрого скольженья,
застывшую нелепость положенья
поспешно водрузив на пьедестал.

Вода надменно обняла леса.
И в нервной дрожи скручивая пальцы
листвы и хвои, не глядит в глаза:
так выпренно знакомятся страдальцы,
чтоб через миг рассорится, расстаться,
не вытащив козырного туза.

Я слышу – надвигается гроза.
Земли и звезд сомкнулись полюса.
Живому не уйти от мрачной жути.
Все медленнее катится слеза,
и сердце бьется воробьем в мазуте,
и слышит с того света голоса.

Вторжение внезапностью своей
сравнимо с беспощадным печенегом.
Победа достижимей и верней,

чем меньше обмозгована стратегом.
Тому уж не дожить до лучших дней,
кто не успел обзавестись ковчегом,

Срывая дерн, хватая беглецов
за шиворот, заталкивает в ниши
медвежьих ям их выпавшие грыжи,
выкручивает руки, сносит крыши.
Пронзив столетний дуб, в конце концов,
подходит к дому моему все ближе.

Мелькая в окнах вспышками зарниц,
заглядывает взором незнакомым
в смятение недописанных страниц.
И горе застывает в горле комом,
когда она с ужимками блудниц
льнет к старым стенам, сгорбившись над домом.

Разряды шарят в озере багром,
неистово проламывая днища
замшелых лодок, бочек с серебром,
словно клюкой копаясь в пепелище.
И разрывают, брезгуя добром,
утопленников мрачное кладбище.

Им дела нет до их былых имен,
как дикой ведьме, что чуму пророчит,
смещая ход светил, закон времен,
и жертв своих в лицо признать не хочет,
пока дурацким воплем хриплый кочет
на части не расколется небосклон.

Зачем она была мне так нужна?
Чинил бы сапоги, сплетал бы снасти.
Надеялся, что нежная жена
вернется и смущенно скажет «здрасьте».
Теперь осколки муторного сна
трещат и холодеют в волчьей пасти.

Ты этого хотел, ты это ждал.
Ты ее жаждал, сам того не зная.
Смолкает шум литавров и кимвал.
Промокшая насквозь земля сырая
дымится как разруха и развал.
И что-то шепчет, тихо догорая.

В гуле дождя проливного

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
я слышу хохот своих детей,
снова
пускаюсь по коридорам,
как пес от стены до стены,
вслушиваюсь в чужие стоны и сны.

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
все переполнено страхом.
Вымолвить слово
все трудней и труднее,
когда язык
от человеческой речи отвык.

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
спят в ворохах белья льняного,
младенцы спят,
тени к ним не льнут,
сердца их упрятаны в самый уютный кут.

Солнце дышит на них как корова,
солнце – их сердце
в гуле дождя ночного.

Разрывая ключья сетей
я иду по следам смеха своих детей.
Вода, а не суша будь нам основа,
коль земля нам не уготована и не готова.

Мост

По ночам хорошо.
Затишают болтливые птицы.
И на черной воде,
словно в гладких больших зеркалах,
в равнодушной тоске
отражаются бледные лица
дальних звезд и планет,
как посуда на мокрых столах.

У живого костра
непонятные греются люди.
Их огромные тени
дрожат на другом берегу.
Я не знаю дороги
среди зачарованной жути,
из дремучего леса
к ним в гости придти не могу.

Я стою у воды,
не решаясь вернуться обратно,
в дом, где топится печь,
и по стенам тревожные сны
кружат стаями птиц, и мелькают
как яркие пятна,
и летят голосами
из светлой блаженной страны.

Я узнал в голосах
безмятежные песенки сына,
своей маленькой дочери
понял разумную речь.
Между нами лежит
океана седого равнина,
но зияет в боку корабля
безвозвратная течь.

Тихо строится мост
между береговыми мирами.
Но слезятся глаза,
и трагический привкус во рту
подтверждает, что кто-то идет
за пустыми морями,
чтоб возникнуть из тьмы,
если долго глядеть в темноту.

«В печи как за околицей темно...»

В печи как за околицей темно,
в сырых дровах слежавшиеся слизи
застыли в неизбывной укоризне.
На черный стог наброшено рядно.
И будто старый гость из новой жизни
озерный воздух стелется в окно,
открытое еще вчерашним утром.
Молчанию положено быть мудрым
при свете непрестанного огня.
К чему оно? Печаль не для меня.
Я режу обод банки жестяной,
стучу ножом по площадке деревянной.
Я к Млечному пути стою спиной
как маленький солдатик оловянный.
Какая тишина перед войной,
непрощенной, священной, окаянной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.